

ГОРДЕЕВА

Алиса

В А Д

Я Бе Да

Алиса Гордеева

Ябеда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69377083

SelfPub; 2023

Аннотация

Его все боятся. Избегают. Недолюбливают. Говорят, что он псих, и мне стоит держаться от него подальше. Советуют при случае обходить его стороной и запрещают встречаться с ним взглядом. Я нарушила все предписания и поплатилась за это собственным сердцем.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Остановка	7
Глава 2. Знаки	27
Глава 3. Побег	48
Глава 4. Сделка	64
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алиса Гордеева

Ябеда

Пролог

Я беда.

Корявый изъян на повороте твоей судьбы.

Осколок боли, навечно застрявший в сердце.

Меня не вытравить.

Не стереть.

Нас не спасти.

Поздно.

Ноябрь

Метель за окном завывает диким волком. Хаотично летящий снег безжалостно бьёт в стекла, тупой болью отзываясь в сердце. С недавних пор я ненавижу зиму.

– Тася! – Тихий, проникновенный голос Татьяны Ивановны возвращает меня в реальность: небольшой уютный кабинет в пастельных тонах с абстрактными картинами на стенах. – Поговори со мной, девочка.

Не поворачивая головы, исподлобья смотрю на седовласую женщину с добрым взглядом и понимающей улыбкой. Копаться в чужих душах – её работа, щедро оплачиваемая такими дураками, как мой отец. Развалившись в кожаном

кресле, Татьяна Ивановна выжидающе постукивает авторучкой по исписанному листу своего ежедневника и надеется услышать от меня хотя бы слово. Но разве оно способно что-то изменить?

– Три месяца терапии, а мы не сдвинулись ни на шаг, – виновато качает головой психолог. – Всё дело в Савицком, верно?

Ощущаю себя подопытной крысой: женщина знает, как напрягается каждая клеточка моего тела при одном только звуке ЕГО фамилии, но всякий сеанс начинается допрос именно с этого.

Привычно поджимаю губы. Позволяю одинокой слезинке шустро скатиться с щеки и мокрым пятном на моих джинсах присоединиться к другим таким же. Татьяна Ивановна подобно сапёру аккуратно прощупывает уязвимые участки моего сердца и безжалостно подрывает остатки воспоминаний.

– Он сделал тебе больно?

Закрываю глаза и улыбаюсь: больно сдавать кровь из пальца, а когда у тебя заживо вырывают сердце, это совсем другое.

– Георгий обидел тебя?

Смеюсь. И за что только отец платит такие деньги?!

– Ты можешь мне рассказать, – всё тем же приторным голосом пробирается в душу Татьяна Ивановна. – Тебе больше ничего не угрожает, Тася. Ты же знаешь: Савицкий не вернётся.

Быть может, метель не такая уж и противная. Да, она, как и все вокруг, напоминает мне о боли, но хотя бы делает это честно.

– Тебя нашли в ужасном состоянии, Тася. И я понимаю, как не хочется тебе возвращаться в тот день. – Татьяна Ивановна замолкает и, кусая губы, тоже смотрит за окно. – Метель, – констатирует спустя минуту. – В твоей душе метёт не меньше, верно?

Кончики моих пальцев тут же начинают дрожать. Сжав кулаки, смотрю на часы, висящие над столом. Впереди ещё двадцать минут идиотских вопросов.

– Это неправильно, – хмыкает женщина, глядя в упор на мои сжатые ладони. – Перестань себя наказывать, Тася! Ты ни в чём не виновата.

Как бы не так! Всё, что случилось с нами – итог моей инфантильности, глупого стремления пробудить в Савицком человека. Мне следовало услышать окружающих, которые в один голос пытались уберечь меня от беды. Что ж, моё упрямство круто сыграло против меня.

– Тася... – безнадёжно пытается достучаться до меня Татьяна Ивановна. – Ты можешь мне не отвечать. – Ничем не выдавая своего раздражения, она аккуратно закрывает блокнот. – Просто помни: я на твоей стороне. Вдвоём всегда проще найти решение, нежели в одиночку.

Неправда!

Сходить с ума лучше в одиночестве.

Глава 1. Остановка

Забавно, как быстро выросли деревья в чужом саду.

Грустно, что я все пропустила.

За полгода до событий, описанных в прологе.

Родители развелись, когда мне было три. Я плохо помню то время в отличие от Ники, моей сестры. Ей тогда исполнилось семь, и все «прелести» развода в полной мере отразились на её психике. Ночные кошмары, истерики, слезы... Отец не справлялся, а мама... маме было немного не до нас. Когда полгода проводишь в Ницце, а остальное время не вылезает из спа-салонов, дети только мешают. Наверно...

И всё же в один прекрасный день, когда Ника перестала говорить, а врачи забили тревогу, отец просто взял старшую дочь в охапку и привёз к воротам шикарного особняка, в котором мама к тому времени жила со своим новым мужем и его маститым лабрадором.

Так мы с Никой оказались по разные стороны семьи. Наверно, именно тогда я и потеряла сестру. Навсегда.

Первое время отец регулярно отправлял меня в гости к матери. Поначалу я проводила в доме Вадима Мещерякова, моего отчима, целое лето и обязательно приезжала на Рождество, но с годами всё острее начинала ощущать свою ненужность в новой семье. Меня редко встречали с улыбкой, зато не скрывали её, когда отец забирал меня домой немно-

гим раньше. Чувствовать себя обузой – то ещё удовольствие! Да и сам Мещеряков никогда не скрывал своей неприязни ко мне. Ему хватало Ники, капризной, немного жадной и со временем весьма избалованной, а ещё Геры – Георгия Савицкого, странного парня, жившего на чердаке и практически никогда не спускавшегося. Кем он приходился Мещерякову, я не знала, но в доме отчима парень появлялся, как и я, только на лето. Так было всегда. Наверно, поэтому странное положение вещей меня мало удивляло.

К тому моменту, когда я окончила пятый класс, моё время пребывания рядом с мамой и сестрой сократилось до недели, а потом и вовсе сошло на нет. Телефонные разговоры становились все короче, а поздравления с днём рождения казались вымученными и сухими.

Впрочем, это меня мало беспокоило. В нашем небольшом городке, где все друг друга знают и при встрече обязательно здороваются, жить было гораздо комфортнее, чем в окружении расчётливых и бездушных лиц, воротящих от тебя нос только потому, что твоя одежда недостаточно модная и стильная, а сам ты не разбираешься, чем айфон последней модели отличается от предыдущей. К слову, этого самого айфона у меня никогда и не было. Зато был любящий отец – неунывающий весельчак и лучший в городе сварщик, а ещё друзья: конопатый Женька из соседнего подъезда и Амели, умница-отличница с косой до пояса и несносным характером Халка. Мы познакомились в детском саду, когда Амели

надела тарелку с манной кашей на голову Женьке, а тот свалил всё на меня. Надо сказать, с тех пор мало что изменилось. По мере взросления наши шалости становились только круче и непременно приводили в ужас директора школы. Уверена, он считает дни, когда мы выпустимся, точнее, когда последний звонок прозвенит для Женьки и Амели.

Моя привычная жизнь рухнула в один миг. В тот вечер отец выбежал в продуктовый через дорогу: мне приспичило затворить блины, а мука закончилась. На пешеходном переходе его, плечистого и высокого, не заметил спешивший по своим каким-то делам водитель серебристой «десятки». Скрежет тормозов был слышен на весь город, но, увы, это не уберегло отца от столкновения с грудой бездушного металла. Дальше – больше: «скорая» ... мои молитвы... перелом позвоночника... и снова мольбы к небесам. Бессонные ночи возле реанимации, слёзы, острыми бритвами раздирающие горло, и приговор врачей: нужна сложная операция в краевом центре, а после неё – долгая реабилитация. Все расходы по лечению взял на себя завод, на котором отец верой и правдой отработал два десятка лет, а вот ответственность за меня брать было некому, кроме мамы.

«Если хочешь – приезжай. Адрес знаешь».

Даже от её обычного СМС веяло холодом. Сейчас понимаю, это был знак: мне стоило пересилить себя и несколько месяцев провести в интернате. Да только тогда все мои мысли занимал отец. Переехав к матери, я смогла бы ежедневно

его навещать, ну а неприязнь родственников можно и перетерпеть, правда?

– О чём задумалась, милая? – Отец сжимает мою ладонь и ласково улыбается, отчего в уголках его глаз собираются стрелки морщин – глубоких, но бесконечно родных.

Я уже привыкла видеть папу лежащим в больничной палате. Да и здесь, в большом медицинском центре, оборудованном по последнему слову техники, глупая жалость уступает место надежде.

– Здесь лучше, да?

Свежий ремонт. Окно на солнечной стороне. Даже кровать, к которой волею судьбы прикован отец, напичкана кнопками и механизмами, чтобы больной как можно меньше ощущал себя беспомощным инвалидом. Никакого сравнения с нашей травматологией!

– Да, Таюшка. – Грубые пальцы отца всё крепче сплетаются с моими. – Уже не так страшно ложиться под нож хирурга.

Отец врёт, вижу. Он ненавидит больницы, и даже к зубному мне приходилось его тащить под дулом пистолета.

– Когда операция? – спрашиваю, делая вид, что верю. В конце концов, отец просто хочет, чтобы я перестала себя накручивать. Хотя бы из-за него.

– В среду утром.

– Я приеду.

– Обязательно! Не разрешу себя резать, пока не поцелую тебя. – И снова эта его улыбка, самая дорогая из всех. Я так

боюсь, что её свет погаснет, что с трудом сдерживаю слёзы.

– Смотри, ты обещал! – Голос мой дрожит, и папа это чувствует.

– Уже была у матери? – спешит он сменить тему.

– Нет, с автобуса – сразу к тебе.

Отца привезли в больницу на «скорой» ещё позавчера, а я, пока забирала документы из школы, задержалась на пару дней. Конечно, я могла сразу отправиться к матери, но мне не терпелось увидеть папу.

– Тая! – возмущается он, а сам едва сдерживает улыбку. – Так нельзя! Пользуешься моей слабостью, да?

Разумеется, он переживает за меня, но ещё больше радуется встрече. Мы оба не знаем, чем закончится вмешательство хирургов, а потому ловим каждое мгновение, чтобы провести его вместе.

– Просто соскучилась по тебе.

Я слабачка. Не могу справиться со слезами. Впрочем, притворяться сильной я буду в доме матери, а пока могу побыть самой собой. Наклоняюсь к отцу и прижимаюсь лицом к его заросшей щеке, а потом даю волю слезам. Я люблю отца – какой смысл скрывать?

– Мы все преодолеем, дочка. Обязательно, – глухо, на грани обещает он, упираясь носом в мои кудряшки. – Опять с косичками заснула?

– Ага, – улыбаюсь сквозь слёзы. На голове сегодня настоящее гнездо, и всё из-за моей невнимательности.

– Возьми такси, ладно?

– Угу, – киваю, а сама вспоминаю номера автобусов до Жемчужного.

Расстояние от города до коттеджного посёлка, где расположен особняк Мещерякова, немалое – даже страшно представить, какую цену заломит таксист. Нет уж, я лучше куплю на эти деньги фруктов: папе сейчас нужны витамины.

Не знаю, сколько ещё времени я просидела бы с отцом, но строгая медсестра, будто случайно заглянувшая в палату, жёстко напоминает, что приёмные часы давно закончились, да и папе нужен отдых. Чмокаю старика на прощание, обещаю завтра приехать снова и спешу к матери.

Не разбирая дороги, шлёпаю по лужам. Ноги утопают в ледяной жиже с остатками рыхлого снега. Грязные брызги разлетаются в стороны, серыми разводами оседая на светлых джинсах. Наплевать! Главное – успеть!

– Подождите! – кричу, запыхавшись, когда дверцы автобуса начинают медленно закрываться.

До остановки всего метров десять, но водитель меня не видит и не слышит. Машу руками, перепрыгивая через шальные ручейки, и даже успеваю треснуть кулаком по забрызганному стеклу, но так и остаюсь в гордом одиночестве ждать следующего автобуса. До него, кстати, минут сорок, а на улице уже смеркается, и с каждой секундой становится всё холоднее и страшнее.

Апрель... Окраина незнакомого города... Полуразрушен-

ная остановка... С неба моросит противный дождь впере-
мешку со снегом, а мимо на огромной скорости проносятся
автомобили. Спортивная сумка с вещами оттягивает плечо.
И, вроде, взяла только самое необходимое, но усталость даёт
о себе знать. Да ещё рюкзак с учебниками и книгами за спи-
ной такой тяжёлый, что невольно вспоминаю о такси. Прав-
да, тут же беру себя в руки: мне нельзя раскисать!

Чтобы хоть как-то скоротать время, измеряю шагами дли-
ну местной лужи. Прячу замёрзшие руки в карманы куртки,
но она не по погоде тонкая и ни черта не греет. В очередной
раз приближаюсь к проезжей части и всматриваюсь вдаль.
И почему в такой крутой коттеджный посёлок ходит только
один автобус, да ещё и так редко?

Выуживаю из кармана мобильный и бесцельно листаю но-
востную ленту социальной сети. Бессмысленные картинки,
избитые цитаты, реклама, чужие улыбки – в общем, ничего
нового и интересного. Набираю пару строк Амели. Скиды-
ваю фото серого неба Жеке: у парня страсть к коллекциони-
рованию изображений неба с разных уголков Земли. Как по
мне, оно везде одинаковое.

Но, оказывается, умереть со скуки и холода на останов-
ке в чужом городе – это слишком простое наказание за мою
неосмотрительность. Уже в следующее мгновение, окатив
меня из лужи грязной водой, на обочине тормозит чёрная,
как смоль, приземистая тачка, а из опустившегося окна вы-
совывается смазливая морда паренька. Светлые волосы его

растрёпаны, а взгляд до невозможности наглый.

– Эй! – небрежно орёт парень, пока я тщетно пытаюсь считать с куртки грязь. – Мобильный свой дай!

– Всё нормально, – шмыгаю носом, стараясь не расплакаться. Не вечер, а наказание какое-то!

– Ты глухая?! – орёт незнакомец. – Телефон свой дай!

– Ну, облил и облил, переживу! – срываюсь дрожащим голосом. Ишь, какой совестливый нашёлся: другой бы даже не заметил, что проехал по луже, а этот вину искупить хочет! Только я гордая! И подачки мне не нужны!

– Простого «извините» было бы достаточно! – важно задираю нос.

Стараюсь не смотреть на паренька, вновь обратив всё своё внимание к экрану мобильного. Вот Катька Семенова хвастается новой юбкой, а вот милые котята, забавно пошатываясь, делают свои первые шаги. Уверена, стоит мажорчику понять, что я не держу на него зла, он сразу уедет!

– Придурочная! – внезапно раздаётся над ухом, и телефон мгновенно выскальзывает из рук.

Растерянно хлопаю глазами, наблюдая за тем, как напрочь обнаглевший здоровяк рвется в моём мобильном, деловито тыча пальцами в экран. Ошарашенно открываю рот, чтобы возмутиться, но мой словарный запас совершенно точно не готов к столкновению с суровой реальностью.

– Ну чего смотришь, как на врага народа?! Один звонок – с тебя не убудет! – Молодой нахал по-свойски прижимает

телефон к уху и, расплываясь в улыбке, адресованной явно не мне, отворачивается, а затем громко приветствует невидимого собеседника.

Хам! Мерзавец! Грубиян! А я – наивная идиотка, которая вечно судит людей по себе! Переминаюсь с ноги на ногу, не представляя, как правильно вести себя в подобной ситуации. Нет, мне не жаль мобильного, я всегда рада помочь, но разве этот баран заслужил, чтобы ему помогали?!

Ёжусь от несдержанных порывов ветра и продолжаю сверлить взглядом спину незнакомца. Высокий, накачанный, я бы даже сказала – мощный, он манерно стоит в двух шагах от меня и беспрерывно что-то объясняет некой «зайке», изредка называя ту котёнком. Вот здорово! Я тут продаю дрожжи, вся в грязи и без мобильного, а этот придурок сюсюкает с какой-то кралей!

Набираю в лёгкие побольше кислорода и сжимаю кулаки, намереваясь потребовать обратно телефон. Даже успеваю подойти к незнакомцу, но моя решимость моментально сходит на нет, стоит заметить нужный автобус, плавно подъезжающий к остановке. Пропустить ещё и его равносильно воспалению лёгких!

– Прости, не мог бы ты вернуть мобильный? – обращаюсь к парню, несмело тыча замершим пальцем в его спину. – Мой автобус.

– погоди! – Красавчик отмахивается от меня, как от назойливой мухи, и продолжает трепаться.

– Не могу! Автобус уйдёт! Верни телефон!

– Две минуты! – резко обернувшись в мою сторону, рычит он сквозь зубы и, прикрывая ладонью динамик, буравит меня недобрым взглядом. – Не видишь, я разговариваю?!

– А у меня автобус, – еле слышно шевелю губами, теряясь в изумрудном сиянии глаз придурка, настолько ярком и нереальном, что невольно зависаю и даже не сразу соображаю, что очередной автобус уехал без меня.

Сжимаю губы в узкую полоску и на пятках разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Ещё не хватало, чтобы какой-то смазливый индюк стал свидетелем моих слёз! Равнодушно топаю по лужам, проклиная себя за то, что не послушалась отца, и покорно жду, пока избалованный мажор наговорится.

Проходит минута, вторая, третья...

– Ты чего вся скукожилась? Испугалась, что ли? – подобно грому басит нахал и, ехидно улыбаясь, возвращает мобильный.

– Кого?! Тебя?! Или твоего зверинца?! С кем ты там разговаривал – с кошками и зайцами? Сумасшедший! – ворчу, пряча телефон подальше от алчных глаз незнакомца: мало ли кому ещё решит позвонить этот громила.

– Подслушивать нехорошо, – ухмыляется подонок. – Мама разве не учила?

– Нет! – огрызаюсь в ответ и бреду к обочине: впереди ещё сорок минут холода и сырости.

– Садись, давай, подвезу! – снисходительно рявкает блондин и одной левой стягивает с моего плеча сумку. – Ты кирпичей туда наложила, что ли?

– Не твоё дело! И вообще, верни сумку! Что за привычка брать чужое без спроса?! – тянусь за своей поклажей, да только парень не обращает на меня внимания, запросто закидывая мои вещи к себе в багажник.

– Это был последний автобус. Следующий – только утром. Садись, давай!

Он открывает дверцу пассажирского сиденья и, поджав губы, ждёт. А я бы и рада отказаться, да боюсь, за ночь на остановке точно кони двину.

– Куда тебе? – небрежно интересуется молодой человек, отъезжая от обочины.

– В Жемчужное.

– Ты уверена? – Идиот даже не пытается скрыть насмешку в голосе и на мгновение окидывает меня презрительным взглядом. – Там пропускной режим.

– Знаю. Меня ждут.

– Горничной устроилась, что ли? – Навороченный салон заполняется лающим смехом парня.

– Почему сразу «горничной»?

– Ну, на девочку из эскорта ты, прости, не тянешь. – И снова этот уничижительный взгляд. – А местные – сумки на себе не таскают.

– Ясно... – Отворачиваюсь к окну и смотрю, как моя при-

вычная жизнь на бешеной скорости безвозвратно уносится в прошлое.

– Ладно, расслабься, колючка. Нам по пути!

Расслабиться удаётся с трудом: слух режет электронная музыка, с нездоровым грохотом вылетающая из динамиков, да и манера езды незнакомца вынуждает постоянно хвататься за ручку над дверью, чтобы, того и гляди, не вылететь в лобовое. Руки бы оторвать тому, кто учил этого наглеца водить! Один плюс – скорость!

Уже минут через двадцать мы выруливаем к посту охраны на въезде в Жемчужное. Не успеваю набрать маму, чтобы нас пропустили, как шлагбаум сам начинает медленно подниматься, а парень нахально подмигивает и с важным видом заезжает на территорию.

– Дом номер восемь, – оставляю неуёмное самомнение блондина без внимания. Мне, и правда, не до него.

С долей щемящей грусти смотрю по сторонам, отмечая про себя, как сильно всё вокруг изменилось. Я помню «Жемчужное» обычным нагромождением крутых домов, где каждый житель, так или иначе, пытался переплюнуть соседа. Сейчас же это город в миниатюре, со своими аккуратными переулками, вычищенными до блеска мощёными дорожками, витиеватыми светильниками с мягким золотистым сиянием и яблонями, обрамляющими идеально ровную центральную улицу.

Кусаю губы, едва сдерживая улыбку. Я помню, как на-

зло отчиму сбегала сюда, чтобы помочь рабочим посадить эти самые яблони, а когда возвращалась с перепачканными в земле руками и грязными коленками, пряталась от разгневанной матери по всему дому. Хотя нет, на чердак я всегда боялась заходить. Лучше мамина кислая мина и несколько часов нравоучений, чем мимолётный презрительный взгляд Савицкого, уже тогда напоминавший грозное небо накануне бури. Интересно, Гера всё так же приезжает на лето?

– Восьмой? Точно? – с насмешкой в голосе переспрашивает незнакомец, а затем резко тормозит у обочины и смотрит на меня так пристально, что у меня мурашки бегут по коже.

– Да, дом у озера. —Стараюсь, чтобы мой голос звучал уверенно, но тушуюсь под взглядом парня. – Отсюда – прямо и до упора.

Особняк Мещерякова стоит у самого берега —пологого, песчаного. В связи с этим у отчима всегда было маленькое преимущество перед соседями: свой личный пляж и пристань летом, и небольшой каток для детей зимой. Правда, последний Вадим перестал заливать, когда мне исполнилось шесть.

– Я знаю, где этот дом, – вырывает меня из воспоминаний голос блондина. – Ты лучше мне скажи: какого черта там забыла?!

Я даже вдохнуть нормально не могу – так сильно давит взглядом этот придурок. И какое ему дело?!

– Ты угадал: я новая горничная.

– Врёшь! – цедит он сквозь зубы. – Твоё имя?

– Сама дойду! – шиплю в ответ и дёргаю ручку двери, но та заблокирована. – Выпусти!

– Просто скажи, как тебя зовут, – по слогам произносит парень и наклоняется ближе. В нос ударяет терпкий аромат мужской туалетной воды, грубый, опасный.

– Тася, – скомканно выдыхаю я.

– Я так и знал! – Парень резко откидывается на спинку сиденья и начинает ржать. – Ты изменилась, Тася!

Немного придя в себя, он снова поворачивается в мою сторону и нагло елозит по мне взглядом, не оставляя ни миллиметра без внимания.

– Я – Ар, – тянет нараспев и ждёт моей реакции. – Помнишь?

– Нет, – признаюсь честно.

– А ты напряги извилины, девочка! – грубо приказывает он, пронзая меня своими ледяными изумрудами, как острыми спицами, а потом подхватывает прядь моих волос и неспешно начинает накручивать её себе на палец. – Впрочем, не важно. Теперь мы будем видеться достаточно часто, Тася.

– Так себе перспектива... – отвечаю, пытаюсь высвободить волосы.

– Согласен! – хохочет Ар и заводит мотор. – Мне запрещено приближаться к вашему дому ближе, чем на триста мет-

ров. Я высажу тебя возле соседнего коттеджа. Моего коттеджа.

С небывалой лёгкостью несусь по брусчатке в сторону дома. Меня не пугают ни мокрый снег, рыхлыми хлопьями бьющий в лицо, ни промокшая обувь, ни тяжеленная сумка: компания сумасшедшего соседа сумела перечеркнуть всё. Неудивительно, что Мещеряков запретил придурку приближаться к своим владениям. Этот Ар – как просроченный шоколад: шикарная обёртка и прогорклое послевкусие. Его смех до сих пор звучит у меня в ушах, а пренебрежительный взгляд никак не выходит из головы. Будто во мне одной – первопричины всех его бед и печалей. Да и имя у блондинчика какое-то дурацкое, неполноценное, что ли. И всё же странно, что я не помню этого парня, от слова «совсем».

Соседи Мещерякова, семья Турчиных, были частыми гостями в доме отчима. Редкий ужин обходился без их компании. Семёна Германовича; главу семейства обычно всегда сопровождали супруга и дочка Камилла, шустрая и озорная девчонка примерно моего возраста с прикольными брекетами и отменным чувством юмора. Такой я её запомнила. Одно время мы даже дружили и вместе бегали к озеру, но ни разу я не слышала от неё ни о каком Аре. Как такое возможно?! Его словно ластиком стёрли из памяти, из семьи. Прямо как меня...

– Всё просто, Таисия. – Мама сдержанно приобнимает ме-

ня за плечи и ведёт по извилистой дорожке от раздвижных ворот к парадному входу в особняк. – Аристарх – аллергик, поэтому почти каждое лето он проводит на побережье Адриатики. У Турчиных там родственники. А ты чего подумала?

Дежурный смех, равнодушный взгляд; мама ничуть не изменилась: те же белокурые локоны до пояса, удушающий аромат дорогих духов и высокомерный взгляд. А ещё шпильки как неотъемлемый атрибут её образа. Ну кто в здравом уме щеголяет на высоченных каблуках по дому?!

Мы не виделись целую вечность, а мама даже не удосужилась меня поцеловать – так, скользнула губами по щеке, чтобы не испортить макияж. Ни тебе «я скучала», ни вопросов «как добралась», да и о папе ни слова. Ладно, хоть меня узнала.

И всё же вру: мать постарела, осунулась, под глазами закрепились глубокие тени. Для своих сорока восьми мама выглядит, может, и неплохо, просто я её помню лет на пять моложе.

– Ничего не подумала, – мотаю головой, поправляя лямку рюкзака. – Одного не понимаю: как этот парень меня узнал, если мы никогда не пересекались?

– Ещё одно доказательство твоей заикленности на себе! – фыркает мама, не раздумывая долго над моим вопросом. – Если бы в детстве ты не воротила нос от компании сестры, то сейчас не задавала бы глупых вопросов.

Если бы Ника не стыдилась меня перед своими друзья-

ми... Впрочем, теперь это уже не важно.

— А почему парню запрещено приближаться к вашему дому? — Дурацкая тропинка кажется нескончаемой, а других тем для разговора попросту нет. За три минуты до этого я уже получила исчерпывающий ответ на свой щенячий визг: «Тася, возьми себя в руки. У Ники всё замечательно. У Вадима дела идут хорошо. У меня тоже нет никаких проблем».

Смешно до слёз: наглый соседский парень — единственный, о ком мама, вроде, не прочь поболтать.

— Вздор! — неосознанно повышает она голос. — Вадим никогда не запрещал Арику к нам заходить. Летом — да. Но сейчас Аристарх просто пустил тебе пыль в глаза.

— А что летом? — уточняю между делом.

— Летом? — Мама смотрит на меня из-под густых ресниц. — Что летом?

— Ты сама сказала, что...

— Тася, — обрывает она меня на полуслове и сжимает губы в тонкую полоску. — Тебе с дороги слышится невесть что.

Мама выпускает меня из своих холодных объятий и первой заходит в дом. Не дожидается, когда дотащу сумки, и спешит к зеркалу в прихожей, на ходу поправляя причёску.

— Ну и погода! Ненавижу слякоть!

Робко переступив порог, с необъяснимым волнением смотрю по сторонам. Здесь, как и в самом посёлке, всё стало по-другому. Аляповатые картины на стенах больше не режут глаз. Их заменили пастельные тона штукатурки и нежная,

почти невесомая лепнина, гипсовыми кружевами оплетающая стены. Белоснежная лестница полукругом уходит вверх, а в натёртом до блеска глянцевого полу при желании можно рассмотреть своё отражение. В очередной раз понимаю, что в перепачканных джинсах и дешёвой куртке с вещевого рынка я сюда абсолютно не вписываюсь.

– Прости, Тася. – Мать щёлкает наманикюренными пальчиками перед моим носом. – Мы поужинали без тебя. У Ники со дня на день защита диплома, а потому праздное ожидание гостей – непозволительная роскошь для нашей семьи.

Слова матери подобны сломанному лифту с оборванным тросом, который на бешеной скорости падает, сотрясая всё вокруг. А я по привычке в самом что ни на есть эпицентре. Прикрываю глаза, едва сдерживая слёзы: я уже позабыла, как больно быть ненужной.

«Я здесь ради отца!» – напоминаю самой себе, чтобы твёрдо стоять на ногах.

– Не спи, Тася! – возмущается мама и взмахом руки зовёт за собой. – Вещи можешь оставить здесь, завтра тебе их принесут. Пойдём, я покажу тебе комнату, а потом перекусишь.

– Я не голодна, – отвечаю, изо всех сил сжимая в руках сумку – единственное «родное» из прошлой жизни. – Да и комнату, думаю, найду.

– Если бы ты не была такой эгоисткой, Тася, и хотя бы раз в год вспоминала о своей семье, – сложив на груди руки, хмурится мать (её привычка сваливать всё на других с года-

ми приобрела катастрофические масштабы), – то сейчас не несла бы чушь! Твою старую комнату мы давно переделали под гардеробную для Ники. Я распорядилась постелить тебе в гостевой у бассейна.

– У бассейна? – Нервная улыбка трогает мои губы. Интересно, давно у бассейна появились гостевые? Сколько себя помню, там всегда жила прислуга.

– Всё изменилось, Тася, – выдыхает мать и трёт переносицу. – Поверь, так будет лучше для всех. Твой приезд... – Она замолкает, прикрывая рот ладонью, и отворачивается. Даже не так – она прячется от меня, как таракан от «Дихлофоса». Небрежно отмахивается и, цокая каблучками, спешит к узкому коридору под лестницей.

– Эта дурацкая авария с твоим отцом так некстати! – попутно причитает мама. – Нет, ты не подумай, Тася, мы все очень рады, что ты решила погостить у нас какое-то время. Просто всё это слишком неожиданно, понимаешь?

Нет! Так рады, что даже не встретили! Так ждали, что сели ужинать без меня. Так любят, что прячут под лестницей, как заблудшего во время дождя путника: и, вроде, не выгонишь бедолагу, но рядом с собой оставлять чужака противно.

– Не важно, – хриплю в ответ: горло раздирают непрошеные слёзы. Всё, о чём я мечтала – хоть немного поддержки, капля нежности и понимания. Дура! – У бассейна так у бассейна.

– Вот и умница! – кивает мать и отпирает узкую дверцу

моей новой комнаты. Неужели думает, я не помню, что за ней всегда была кладовка три на три метра с маленьким окном, больше напоминающим иллюминатор самолёта.

– Располагайся, дочка! – Мне кажется, или в голосе матери проскальзывают нотки неловкости. Неужели ей бывает стыдно? – Здесь не так много места, зато уютно. И главное, Тася, в этой части дома ты будешь в безопасности!

Глава 2. Знаки

Всё так очевидно.

Но людям свойственно упускать из вида главное.

Всю ночь просыпаюсь от странных звуков: то ли за озером воет зверь, то ли ветер плутает по вентиляции. Не знаю, о какой безопасности говорила мама, но здесь, на отшибе дома, ощущаю себя до невозможности уязвимой: позови я на помощь – никто не услышит.

Гоню от себя тревожные мысли, сваливая их на усталость. На всякий случай подпираю дверь стулом и, чтобы отвлечься, достаю из рюкзака наушники и ставлю в смартфоне на репит любимую композицию. Я – неправильная девочка: обожаю старый рок и знаю наизусть всего Bon Jovi. Жека всегда подтрунивал надо мной, мол, родилась не в своё время, а Амели ворчала, смешно хмурия лоб, и называла меня в шутку «Таисием». Ещё бы! Девчонки, по её мнению, должны слушать попсу и сходить с ума по красавчикам с томными головами, не то что я. Так, с улыбкой на губах и проникновенной мелодией из 90-х в наушниках, я и засыпаю.

Моё утро тяжёлое и серое. Бессонная ночь даёт о себе знать головной болью, а разрядившийся мобильный – не сработавшим вовремя будильником. Я проспала. Впрочем, это не важно. Вынужденные каникулы – огромный плюс моего переезда. Огромный минус – отсутствие в моей каморке ду-

ша. Нет, я не избалованная принцесса, но каждый раз обходить здоровенный бассейн, пугающий своей бездонной синевой, чтобы просто вымыть руки или почистить зубы, весьма утомительно и, если быть до конца честной, немного страшно. Я не люблю воду. Так и не научилась плавать. Там, где мелко, я с радостью плещусь или просто мочу ноги, но глубина меня пугает. Наверно, поэтому кожа покрывается мурашками, когда я ступаю по белоснежному кафелю вдоль безлюдного бассейна в сторону душевой.

«Я привыкну. Это ненадолго».

Вытерев полотенцем волосы, возвращаюсь. Перекладываю вещи из сумки в небольшой шкаф, а книги оставляю на столе. Переодевшись в джинсы и однотонный топ, решаюсь выйти на кухню и, наконец, перекусить.

Мягко, почти невесомо ступаю пушистыми тапочками по глянцевой поверхности пола и вздрагиваю, когда входная дверь в прихожей с грохотом закрывается и хмурый голос Мещерякова эхом отдаётся от стен:

– Это было непросто! У нас два месяца, Лиза, не больше! Потом мне придётся...

– Уверена, Тася на дольше и не останется, – с придыханием обрывает речь отчима мама.

– Надеюсь! – гремит Вадим. – Очень на это надеюсь!

Ничего не изменилось: я снова некстати, снова мешаю... Знаю, что подслушивать нехорошо, и, будь я посмелее, то, гордо задрав нос, вышла бы сейчас к отчиму и с улыбкой от

уха до уха поздоровалась. Но я трусиха! Прячусь под лестницей и стараюсь не дышать.

– Завтракать не буду! Пойду к себе. – Над головой слышатся тяжёлые шаги: Мещеряков мужчина крупный, грузный, и подъём на второй этаж даётся ему нелегко.

– Как скажешь, милый, – лебезит перед ним мама и, стуча каблучками, удаляется, а я, немного отдышавшись, выбираюсь из своего укрытия.

– Доброе утро! – Моя надежда поест в одиночестве рушится на глазах: на кухне за огромным столом замечаю Нику.

За годы, что мы не виделись, она превратилась в настоящую красавицу. Тёмные волосы шоколадного оттенка переливаются янтарным блеском в робких лучах апрельского солнца. Тонкие черты её лица настолько правильные и женственные, что я начинаю сомневаться в нашем с ней родстве. Да и фигура у Ники что надо: пышная грудь, осиная талия, ноги от ушей – моя сестра всегда была безумно красивой, а сейчас и вовсе расцвела. Ника сидит ко мне вполоборота, закинув ногу на ногу. Короткая юбка, лаковые туфельки на тонком каблуке. Спина ровная, плечи расправлены – королевская стать и осанка. Изящными пальчиками Ника держит кофейную чашку, крошечными глотками попивая ароматный «эспрессо», и абсолютно счастливым, неподдельно влюблённым взглядом смотрит на своего собеседника – наглого, лживого Ара.

– Тася! – вскрикивает сестра скорее от неожиданности, чем от радости встречи. Она не вскакивает с места, не несётся ко мне с объятиями. Всё, что мне перепадает – мимолётный взгляд и натянутая улыбка. – Арик, помнишь мою сестрёнку?

Аристарху достаётся всё остальное: внимание, интерес, восхищение.

– Помню, – цедит Ар и в отличие от Ники поднимается с места. Не сводя с меня глаз, медленно подходит ближе. Кожа горит от его въедливого взгляда, а в горле першит от пресловутого запаха туалетной воды. – Всё такая же мелкая, невзрачная мышка.

– Арик! – смеётся Ника, словно остолоп только что удачно пошутил, а не облил меня ушатом грязи. – Ну зачем ты так? Тасе просто не повезло.

Мне так и хочется сказать, что Нике не повезло куда больше: влюбиться в лжеца – сомнительное счастье! Но я в очередной раз тушуюсь перед человеческой наглостью.

– А разве Ару не запрещено приближаться к нашему дому? Своим вопросом хочу убить двух зайцев: подрвать непоколебимую веру Ники в этого придурка, да и самого Турчина поставить в неловкое положение. Не же мне же одной краснеть, правда?

– Это было вчера, – ухмыляется Аристарх и, нарочно задев меня плечом, подходит к кофемашине за добавкой «американо». – Сегодня Савицкий отдыхает в больничке, а я во-

лен жить, как хочу.

– Арик, – ласково осаждаёт его Ника. – не пугай девочку. Тася, садись завтракать! Ар нальёт тебе кофе. Правда, милый?

– А ей не рано взрослые напитки пить? Может, давай Наташу попрошу сварить малявке какао?

– Мне уже скоро восемнадцать! – выкрикиваю, не подумав, чем вызываю очередной приступ смеха.

– Не обращай внимания, Тась. – Ника осторожно ставит кофейную чашку на блюдце и постукивает пальчиками по столу, указывая, куда я могу сесть. – Лучше расскажи, как дела.

– У папы в среду операция, – отвечаю, занимая место рядом с сестрой. – Ты ведь уже знаешь про аварию?

– Разумеется, – безразлично кивает Ника, а сама продолжает строить глазки Ару.

И всё же я считаю своим долгом ещё раз всё рассказать: о том страшном вечере и папином диагнозе, об операции и своих надеждах. Вот только Ника меня совершенно не слушает. Смазливый Ар отныне занимает в её сердце куда больше места, чем родной отец.

Я замолкаю, даже забываю сказать спасибо, когда Турчин ставит перед моим носом чашку с кофе. Он садится напротив меня и снова начинает болтать с Никой, словно меня здесь и нет.

– А что с Савицким? – бесцеремонно нарушаю идиллию

этих двоих.

– Очередной приступ, – между делом бросает сестра. – Ночью слышала, как орал? Хотя тебя же к бассейну поселили. Повезло! Гера туда не ходит, да и его ночные возгласы там почти не слышны. Так что радуйся, сестрёнка!

Теперь примерно представляю, о чём говорила мама, но всё равно не улавливаю сути происходящего.

– погоди! – Несмотря на то, что Ника вернулась к беседе с Ариком, я снова переключаю её внимание на себя. – Какой ещё приступ? Я не понимаю.

– Гера – псих, а ты не знала? – Ар с удивлением смотрит на меня. Придурка не смущает, что говорю я с сестрой. Да его вообще ничего не заботит, и то, как он разглядывает меня на виду у Ники, в сотый раз подтверждает правильность моего мнения об этом парне. Как хорошо, что я его совсем не помню! Жаль, Ника настолько влюблена в Арика, что не замечает очевидного.

– Думаешь, отец запирал Савицкого на чердаке за плохое поведение? – со знанием дела заявляет сестра.

«Отец», «чердак» ... Мысли крутятся в голове, перебивая одна другую.

– Мне казалось, что это был выбор Геры, – неуверенно парирую я. Какой бы сильной ни была моя нелюбовь к отчиму, жестоким человеком он никогда не был. Да и кто в детстве не безобразничал? Вспомнить хотя бы меня! Но дальше сурового взгляда и острого замечания Мещеряков никогда не

заходил. Поэтому верится с трудом, что Вадим мог так издеваться над парнем, кем бы тот ему ни приходился.

– Может, и так, – пожимает плечами Ника. – В нашем доме тема Савицкого под запретом, ты же знаешь. Тайна за семью печатями.

– И всё же парень продолжает здесь жить, – констатирую факт, а сама задаюсь вопросом: интересно, каким Гера стал?

Я помню его плохо, точнее, там и помнить нечего. Вживую мы пересекались раза три, не больше. Высокий, худой Савицкий был старше меня года на четыре, а может, и на все пять. Компания Ники ему подходила гораздо больше моей, но отчего-то совершенно его не устраивала. Гера всегда любил тишину и уединение. От долгого сидения взаперти его кожа казалась неестественно белой, а чёрные, как смоль, волосы добавляли его облику некой жутковатости. Но самым запоминающимся был взгляд парня: не по-детски сосредоточенный, высокомерный и неприязненный. Вечно угрюмый и молчаливый, Савицкий, казалось, знал всё наперёд, а ещё всеми фибрами души ненавидел этот мир! Поэтому запирался на чердаке, где никому не было до него дела, и лишь изредка спускался, чтобы вселить в окружающих страх. Гера напоминал Кая из сказки: вместо сердца у Савицкого был кусок льда, а вместо души – пустота! И всё же он вызывал интерес и неминуемые сплетни. Так уж устроены люди: нас манит всё неизведанное и скрытое от посторонних глаз. Каждый жаждет стать первым, кто раскроет страшную тайну, а

если силёнок маловато, то всегда можно и приврать, верно?

– Да, Гера теперь здесь частый гость, – утоляет моё любопытство Ника. – Если раньше он приезжал только на лето, то как поступил в универ, так ещё и на время сессий. Савицкий, как и я, на юрфаке. Правда, я на очном, а он на дистанте.

– Неудивительно! – противно хохочет Арик. И почему парень так сильно меня раздражает? – Зая, ты только представь этого психа среди нормальных людей! Помнишь, что было, когда Вадим пытался его в лицей устроить? Сколько тогда заявлений в полицию было написано?

– Лучше и не вспоминать! – Сестра округляет свои нежно-голубые глаза. – Это было ужасно!

– Что именно?

– Да у Геры крышу сорвало, а восемь ребят чуть калеками не остались на всю жизнь! У Савицкого самого мозга отбиты, вот он и из остальных пытается дебилов сделать! Сила есть – ума не надо! Это про Геру, если что! – исходит желчью Арик.

– Ладно, милый, перестань! – щебечет Ника. – И так, вон, на Таське лица нет! Да и не важно это всё теперь. Отец предупреждал Савицкого, что ещё один срыв – и всё, вот и отправил его сегодня спозаранку в лечебницу. Доигрался Герочка!

– Аллилуйя! Аллилуйя! – начинает паясничать Турчин, а я стараюсь понять, что именно не даёт мне покоя в словах сестры.

– Ты хотела сказать – «отчим», правда? Отчим отправил Геру на лечение? – пытаюсь достучаться до Ники сквозь завывания Ара.

– Нет, Тася, это для тебя Вадим отчим, мне же он давно стал отцом. Ты что, не в курсе?

– Не в курсе чего?

– Ещё лет пять назад Вадим меня удочерил, – с лёгкостью признаётся сестрёнка.

– А как же папа? – Новость перечёркивает все остальные и никак не укладывается в голове. Мы не сироты, чтобы нас удочерять, да и папа никогда бы не отказался от дочери!

– Господи, Тася, какая же ты наивная! – фыркает Ника и под одобряющий смешок Ара встаёт из-за стола.

Когда-нибудь я стану взрослой, чуть более рассудительной, возможно, циничной. Моё сердце обрастёт прочным панцирем, а язык перестанет неметь от чужих колких слов. Я научусь держать оборону и, наконец, отвечать! А пока, всё, что я могу – это тихо плакать, глядя на то, как Ника уходит в обнимку с Аром – всего лишь из кухни, а кажется, что из моей жизни.

Глоток кофе. Напиток горький, противный, сваренный не тем человеком, не с теми мыслями. Я отставляю чашку в сторону и смотрю в пустоту. Силюсь понять, отчего люди становятся такими бессердечными и равнодушными, почему перестают любить и радуются, если задевают другого в самое сердце, но ответа не нахожу. Зато меня, одинокую и всё ещё

голодную, находит мама.

Она, как всегда, при параде: одета с иголки, причёсана волосок к волоску. Но за маской идеальной жены и матери ей не удаётся спрятать усталость. Спала ли она сегодня? Скорее всего, нет.

– Вот ты где, Тася! – Мама скользит по мне взглядом. Уверена, замечает следы слёз на моих щеках, но решает деликатно промолчать. – Уже позавтракала?

– Не совсем, – качаю головой, приподнимая чашку с горьким содержимым.

– Ясно, значит, голодная. – Ярко покрашенные губы матери складываются в мимолётную улыбку, которую я всё же успеваю запечатлеть в памяти. Эти её улыбки, такие родные и ласковые, без тени фальши и неискренности, подобны драгоценным камням: каждая на счету.

Мать достаёт из холодильника тарелку с профитролями и канapé, а потом, немного подумав, добавляет ко всему прочему мюсли и йогурт.

– Прости, не знаю, что ты любишь... – Она немного тушуется и принимается настраивать кофемашину.

– Ничего страшного.

Мамина правда больше пощёчины, но иллюзий я не питаю уже давно.

– Папа по утрам варил овсянку с мёдом, – рассказываю, чтобы заполнить неловкую паузу. – а я жарила яичницу. Поэтому меню на завтрак менялось в зависимости от того, кто

раньше проснулся. А ещё мы варили какао по выходным.

– Прости, – небрежно бросает мать и суетливо тычет аккуратным ноготком по кнопкам на кофемашине. У меня создаётся ощущение, что она делает себе «капучино» впервые в жизни или просто так сильно волнуется... – Завтраком занимается Наташа, наша кухарка, я ей обязательно передам твои пожелания.

– Ладно, – отвечаю и беру из тарелки канapé с красной рыбой.

– Ладно, – повторяет мама и, позабыв о помаде, кусает губы. – Какие планы на сегодня, дочка?

– У папы приёмные часы с десяти до двенадцати, – неловко пожимаю плечами. – Вот, хочу успеть его навестить.

– Ты была у него вчера, – напоминает она и с каменным выражением лица садится напротив меня.

В этом доме никому нет дела до моего отца. Бывший муж, бывший папа – мама с сестрой словно сговорились. Их корёжит от одного только упоминания его имени. Знали бы они, как любил отец вечерами рассказывать истории о нашем общем прошлом, с какой нежностью отзывался о каждой из них! Впрочем, позиция матери неизменна.

– Уже в среду у отца операция, – спешу рассказать, как безжалостно время и какая это хрупкая штука – жизнь. – Я не могу...

– Ты не можешь наплевать на учёбу, – назидательным тоном перебивает меня мать. – Ты же это хотела сказать, да,

Тася?

Мотаю головой. Как раз на учёбу забить проще всего!

– Впереди экзамены и поступление в вуз. – Мама продолжает промывать мне мозги.

Может, намекнуть ей, что со своей заботой она опоздала лет так на пять? Хотя какой от этого толк?

– Хочешь помочь отцу? – Моё молчание в ответ для неё хуже горькой редьки. – Поступи на «бюджет»!

– Мама, ты не понимаешь! – Как чувствовала, что дурацкое канале встанет у меня поперёк горла! Интересно, это у Ники с мамой в крови – портить окружающим аппетит?

– Тася, прости, но это ты не понимаешь! —И снова она не даёт мне договорить. – Не дело молодой девчужке слоняться по больницам. Да и чем ты можешь помочь Сергею? Подержать за ручку? Не смей!

Я одна слышу, как разбивается мой хрупкий мир от столкновения с маминым, железобетонным?

– Плюс ко всему, дорога неблизкая, а лишнего автомобиля в доме нет!

– Мне и не надо! Я на автобусе.

– Только этого не хватало! – Мама со стуком опускает чашку на стол, так и не успев сделать глоток. – Мало того, что вчера вся продегла на остановке, так сегодня решила ещё и Вадима опозорить?

– Мама, ты о чём?

– В Жемчужное на автобусе ездит только прислуга! Ты

подумала, какие разговоры пойдут о твоём отчине?

– Ладно! – взмахиваю руками, в попытке остановить словесный поток матери. – Я вызову такси! Деньги у меня есть! Довольна?

– Да при чём здесь такси?! – Мама вскакивает с места. – Я тебе в сотый раз повторяю: ты должна думать в первую очередь об учёбе! Вадим договорился с директором гимназии имени Ломоносова. Уже завтра тебя ждут уроки, а сегодня ты просто обязана заняться собой! Посмотри на себя, Тася! Неухоженная, одета как попало. Выглядишь, как замухрышка какая-то!

– Какие ещё уроки, мам?! – Сердце ухает в пятки: только этого не хватало! – Новый коллектив, другая программа, завышенные требования... Для чего? Пока я освоюсь, уже выпускной будет! Да и сколько тут осталось учиться? Два месяца всего! Я сама наверстаю. Тем более, папа говорил, что всё обсудил с тобой и ты согласилась на дистанционное обучение!

– Твой папа говорит очень много, а ты слушаешь, развебив уши! Нечего дома сидеть! – срывается мама, а потом расставляет всё по местам: – Тем более, это не твой дом!

Завтрак окончательно испорчен, как и настроение. Забавно, как легко в запале обретают свободу разъедающие душу слова. Причём они, как правило, бьют в обе стороны, да и обратно никогда не возвращаются. Какой смысл теперь прикрывать ладонью рот, смотреть на меня с сожалением и ви-

новато мотать головой? Мы стали безвозвратно чужими и далёкими...

– Прости, я забылась, – хриплю в ответ, с трудом сдерживая слёзы, и пулей вылетаю из кухни, оставляя мать наедине со своей правдой.

Несусь в комнату у бассейна и наспех переодеваюсь. Сую в кошелёк все деньги, что только есть, и дрожащими пальцами пытаюсь вызвать такси, попутно выбегая из огромного чужого дома. Вот только куда ни позвоню, везде получаю отказ: ехать в Жемчужное в час пик не желает никто. А потом замечаю Арика... Навалившись пятой точкой на свою отполированную до блеска тачку, он с презрительной ухмылкой смотрит на меня в упор, а стоит мне немного приблизиться, небрежно бросает:

– Подвезти? Я как раз в город.

Глаза парня искрятся коварным блеском. Кривая улыбка с головой выдаёт подлеца. Но я не замечаю знаков... Мне так хочется к папе, мне так нужна его любовь, что я переступаю через свою интуицию и киваю Арику:

– Да!

За окнами мелькает серый пейзаж: ещё не проснувшиеся от зимней спячки деревья, несущаяся в никуда извилистая лента трассы, небо, наглухо затянутое бесцветными тучами. Переходное время года, как и мой возраст, непутёвое и невзрачное. Вроде, и солнце пытается пробиться сквозь угрюмую облачность, намекая на скорое тепло, но промозг-

лая зима крепко держит оборону, напоминая почерневшим у обочины снегом: «Я всё ещё здесь».

Арик молчит. Сегодня он едет непривычно медленно и даже не врубает на полную свои любимые биты. Едва слышно урчит двигатель, чуть громче – в моём животе. Поплотнее запахиваю куртку, чтоб заглушить постыдные звуки, и отворачиваюсь к окну. А стоит автомобилю заехать в город, прошу:

– Высади меня на ближайшей остановке. – И чуть погода добавляю забытое:– Пожалуйста!

Арик кивает, правда, мы продолжаем ехать – по проспектам, незнакомым улицам, мимо высоких домов и ярких витрин. Позади остаётся с десятков остановочных павильонов, а беспокойство внутри растёт с немыслимой силой.

– Куда ты меня везёшь? – спрашиваю, с опаской оглядываясь по сторонам.

Уговариваю себя быть чуточку напористее и смелее. Сжимаю кулаки и на выдохе напоминаю Турчину:

– Я же попросила посадить меня на остановке. Ты глухой?

– Нет, – сухо отвечает Ар, не отвлекаясь от дороги. – Я передумал.

– И что это значит? – настороженно уточняю, а у самой по спине бегут холодные мурашки.

– Дыши, Тася! – грубо смеётся он и резко заходит в поворот. – Так, значит, забыла меня, да? – И снова рывок в сторону. На сей раз Турчин идёт на обгон.

– Ты не много потерял! – Дрожащими пальцами цепляюсь за ремень безопасности. – Мама сказала, мы с тобой почти не общались.

– Наводила обо мне справки? – Арик с кривой ухмылкой глядит на меня, хотя должен смотреть на дорогу.

– Просто спросила! Следи за движением!

– Боишься? – хмыкает Ар и нарочно ускоряется. – Ты всегда была трусихой, Тася! Ничего не изменилось.

– Тебе не всё равно?

Мысленно умоляю парня сосредоточиться на управлении автомобилем.

– Неприятно, когда о тебе забывают, правда?

Мне не хочется отвечать, но Турчин не оставляет выбора: сжав губы в тонкую полоску, он напряжённо вглядывается в мои глаза, а я до безумия боюсь разбиться.

– Да, – хриплю в ответ.

– Сейчас перекусим, а дальше делай, что хочешь! – Арик мгновенно теряет интерес к моей персоне и даже немного сбавляет скорость.

– Я не голодна!

И, вроде, опасность миновала, но я никак не могу выпустить из рук ремень. Что-то мне подсказывает: самое страшное впереди.

– Ну-ну! – хмыкает Ар, постукивая пальцами по рулевому колесу в такт музыке. – А то я не слышу.

– Просто высади меня! – повышаю голос. Как бы я ни

сдерживала свои эмоции, накалённые до предела, они находят выход. — Остановись!

— Хорош уже верещать на весь салон! — скалится Арик. — Полчаса погоды не сделают.

— Ну надо же, какой заботливый! С чего бы вдруг? — Скрестив на груди руки, хмуро смотрю на него.

— Ника не простит мне, если узнает, что я отпустил тебя одну в таком состоянии.

Прыскаю со смеху: кого парень решил обмануть?

— Если дело только в этом, — возражаю, упираясь затылком в спинку сиденья, — то мы ей не скажем! Ну же, притормози, Ар!

— Куда ты так рвёшься, малявка?! — рывкает придурок, выполняя, однако, мою просьбу: автомобиль резко тормозит на перекрёстке. — Думаешь, без тебя все шмотки раскупят?

И снова взгляд Ара царапает по живому: парень не смотрит, он с пристрастием пробирается в потаённые уголки души.

— Что? — Дыхание спирает от предположения Турчина. — Какие шмотки?

— Ника сказала, что ты сегодня по магазинам гуляешь, — усмехается Арик, неприязненно морща нос, и безжалостно давит на газ, стóбит загореться зелёному. — Дорвалась до красивой жизни, детка?

— Какой же ты...

Мерзкий, противный, склизкий...

Злой, обиженный, недолюбленный...

Как жаль, что чёртова тактичность, вбитая в сознание продолжительными беседами с отцом, мешает мне быть честной в ответной грубости. Отец всегда учил отходить, не лезть на рожон, не быть такой, как этот Ар. А мне впервые хочется послушаться! Стать жестокой, хотя бы на словах! Хотя бы с Турчиным...

– Да ладно тебе! – развалившись на водительском месте, язвит Ар. – Мне, по сути, всё равно. Поешь и вали на все четыре стороны.

До боли кусаю губы и молча перевожу взгляд на безликие улицы и чужие лица прохожих. Что бы я сейчас ни сказала, мнение Турчина обо мне не изменится. Да и не больно надо!

Ар останавливается минут через пять возле помпезного заведения: вывеска на французском, арочные окна в пол, тяжёлые двери, которые для нас с двух сторон открывают швейцары. Внутри обстановка ещё более гнетущая. От чрезмерной роскоши вокруг трудно дышать, от оценивающих взглядов – не развалиться на части. Зачем Ар привёл меня сюда? Чтоб лишний раз посмеяться?

Вот только я не сбегу! Задрав нос, представляю себя королевой и гордо иду за ним. Пусть ему будет стыдно за моё общество, а моя совесть чиста!

Я даже умудряюсь безошибочно сделать заказ, хотя сначала и теряюсь в непонятных французских терминах в меню. Сырники с малиновым пралине и какао против подобия ом-

лета и чёрного кофе у Ара. И пусть мне претит есть маленькими кусочками, изящно орудуя ножом и вилкой, я не даю придурку ни единого шанса выставить себя деревенщиной.

– Почему ты не с Никой? – интересуюсь, сделав маленький глоток воздушного какао и окинув Ара снисходительным взглядом. Быть может, я и робкая, но хорошо учусь!

– У неё дела, – равнодушно бросает Турчин, помешивая кофе.

– А ты бездельник? – Не знаю, что там шеф-повар добавил в пралине, но ощущаю себя невероятно смелой.

– Можно и так сказать, – улыбаясь, играет бровями Ар, а потом снова пронзает меня взглядом. За изумрудным сиянием его глаз непролазная темнота. Там, за красивой оболочкой, всё сгнило давно и безвозвратно. И как только Ника не замечает этого?!

– Ясно. — Я честно пытаюсь выстоять и, не моргнув, выдержать на себе взгляд Турчина, но в какой-то момент сдаюсь. – Чего ты вечно на меня так смотришь?

Позабыв о манерах, залпом выпиваю какао, почти не ощущая вкуса, лишь бы скинуть с себя морок чужого взора.

– Как? – тянет Ар и, склонив голову набок, пальцем проводит по своим губам, намекая, что я запачкалась.

– Пристально!

Заливаясь краской, хватаю салфетку. И чёрт меня дёрнул спросить!

– А что, нельзя? – Ар вальяжно откидывается на спинку

кресла. Ну, конечно, он на своей территории, не то что я!

– Вообще-то у тебя Ника есть! – бормочу, вытирая губы, и вздрагиваю от громогласного хохота, оглашающего зал ресторана.

– Есть и будет! – ржёт Ар, пропуская сквозь пальцы пшеничного цвета волосы. – Твоя сестра тут при чём? Или ты подумала?..

Не прекращая смеяться, Турчин водит указательным пальцем от себя ко мне и обратно. Противно. Унизительно. Мерзко. Но я сама виновата, что завела этот дурацкий разговор. Сгораю от желания сорваться с места и выбежать на улицу, но внезапно Ар перестаёт смеяться, и его взгляд приобретает нездоровый блеск.

– Расслабься, девочка, ты не в моём вкусе, – не говорит – плюёт прямо в лицо Турчин. Но если он думает, что этим задевает меня, то глубоко ошибается! Напротив, его грубое откровение – как мёд на израненное сердце.

Я даже улыбаюсь – искренне, с некоторой долей облегчения. Отчего-то отвращение Турчина мне в разы приятнее его симпатии. Правда, улыбаться приходится недолго.

– По крайней мере, пока тебе не исполнится восемнадцать, – цедит сквозь зубы Ар и откровенно елозит по мне взглядом, словно я сижу перед ним абсолютно голая. – Хотя что-то мне подсказывает: к тому моменту ты уже сбежишь.

– Ты рассуждаешь, как параноик!

Здесь, в общественном месте, мне становится в несколько

раз страшнее, чем ночью в своей каморке.

– Называешь Савицкого психом, а сам не лучше!

Заслышав фамилию Геры, Ар сжимает в кулаке край белоснежной скатерти и до хруста стискивает челюсти. Надо же, как задело его сравнение с местным психом! Или здесь что-то другое?

– Ты что, боишься его? Да? – Внезапная догадка окрыляет и, что греха таить, несказанно радует меня.

– А ты? – буравит своим презрением Турчин.

– Нет, – отвечаю уверенно.

– А зря! – кривит губы Ар и просит официанта нас расчитать. – Ты пытаешься разглядеть во мне монстра, Тася, да только не там ищешь!

Арик придерживает меня под локоть, пока мы возвращаемся к автомобилю, открывает дверцу и, не спросив моего согласия, везёт к огромному торговому центру. Я не спорю. Да и какой смысл?

С нетерпением жду, когда тачка Турчина, наконец, остановится, а я смогу пересест в такси и уехать к отцу, но Ар несказанно медлит, кругами разъезжая по огромной полупустой парковке. Наверно, со стороны я и сама похожа на невзрастеничку, которая, обезумев, дёргает ручку дверцы, лишь бы вырваться на свободу, но именно так веду себя, заметив стоянку такси. Арик хмыкает и, проехав ещё метров сто, тормозит, но прежде чем снять блокировку с дверей, просит:

– Вспомни меня, Тася. А лучше – уезжай!

Глава 3. Побег

Люди глупые.

Они не ценят того, что имеют.

Я ещё глупее.

Из всех сил хватаюсь за воздух.

Май

– Лапина! Турчина! – Раздражённый голос завуча по воспитательной работе громом разносится по узкому коридору гимназии, заглушая наш с Камиллой залиvistый смех. – Завтра же с родителями в кабинет директора!

Карие глазки лысоватого Андрея Степановича, ярого блюстителя порядка, искрятся нешуточным раздражением. Толстяк раздувает ноздри, как племенной жеребец, и пытается вселить в нас страх. Мы же еле удерживаемся от смеха и всё же, виновато склонив головы, прерываем несостоявшийся побег и подходим к Андрею Степановичу.

Ни мне, ни Миле не нужны проблемы с родителями накануне выпускных экзаменов, и если Турчин просто пожурит свою дочь и, возможно, на время заблокирует кредитку, то меня ждёт более плачевная участь. Отчим и так уже неделю ходит как в воду опущенный и при каждом удобном случае интересуется, не собираюсь ли я домой. Мой проступок рискует стать последней каплей в океане его терпения. Тем более, уже в субботу мне восемнадцать, а значит, и перспекти-

ва вылететь пробкой из дома Мещерякова всё ярче маячит на горизонте. А мне назад пока никак нельзя!

Как бы то ни было, я ни о чём не жалею: Киреев, главный стукач и грубиян 11 «А» класса, в котором теперь учусь и я, получил по заслугам.

– Вы же девушки! Гимназистки! Выпускницы, в конце концов! Какой пример вы подаёте остальным?! Разве так можно?! – пыхтит завуч. Интересно, как долго он бежал за нами и что успел увидеть?

– Нельзя, вы правы, Андрей Степанович! – наивно округлив зелёные глаза, точь-в-точь как у брата, соглашается Мила и с лёгкостью врёт: – Тася просто заблудилась.

– Да, – смущённо киваю, сжимая за спиной аэрозоль с жёлтой краской. – Никак не освоюсь. Школа такая большая...

– Гимназия, Таисия! – поправляет меня завуч. – В любом случае, это не повод так шуметь!

– Не повод! Мне очень жаль, что я явилась причиной вашего беспокойства, – изобразив на лице глубокое раскаяние, соглашаюсь с ним, и Андрей Степанович ведётся: заметно успокаивается, и от ощущения собственной важности расправляет плечи, да так, что пуговицы на его клетчатом жилете начинают трещать. Смешной, ей-богу! Сразу видно, что знает он меня всего ничего, а найти время и внимательно изучить личное дело новенькой так и не удосужился. Продолка с краской – меньшая из бед!

– Ладно, прощаю, но это в последний раз! – выдыхает Андрей Степанович и, по всей видимости, ждёт, когда мы с Камиллой начнём рассыпаться в благодарностях. Как бы не так! Бегло кивнув, мы осторожно пятимся, выжидая, когда интерес к нам со стороны завуча иссякнет окончательно. И вроде, вот он блеснул своей лысиной и, невнятно бубня себе что-то себе под нос, собирается удалиться, как внезапно чувствует неладное и тормозит в полуметре от меня.

– Лапина, а ну, покажи, что у тебя за спиной!

Вот чёрт! Японский водяной! Уже через десять минут закончится тренировка по волейболу, и Киреев хватится своей одежды, а, обнаружив вместо синих брюк ядрёно-жёлтые, завопит сиреной. Что-что, а аэрозоль с краской Андрею Степановичу в моих руках видеть ни в коем разе не стоит.

– Ничего, – мурлычу в ответ, растягивая губы в невинной улыбке, но чувствую, что привычная уловка не срабатывает. Завуч подозрительно прищуривается и поводит носом, как собака-ищейка.

– Таисия! – произносит он вкрадчиво, заставляя моё бедное сердечко биться в ритме сальсы.

– Господи! – внезапно верещит Камилла и, с ужасом выпучив глаза, смотрит за массивную мужскую фигуру.

Мила настолько артистична, что я и сама забываю о краске, пытаюсь разглядеть, что же такого страшного увидела подруга. Стоит ли говорить про завуча? Андрей Степанович вздрагивает от неожиданности и интуитивно оборачивает-

ся – всего на несколько секунд, но их вполне хватает, чтобы Мила перехватила жёлтую краску в свои руки.

– Турчина, в чём дело? – Завуч вновь устремляет на нас с Камиллой недовольный взгляд.

– Там, на полу, чёрные полосы, – поводит плечами девочка. В своей притворной растерянности Мила до невозможного прекрасна. – Опять пятиклашки в футбол гоняли, наверно.

Андрей Степанович сжимает губы в тонкую полоску и, недовольно кряхтя, вновь принимается сверлить меня своими рыбьими глазками.

– Лапина! Я жду!

Даю голову на отсечение, Мещеряков приплачивает толстяку, чтобы тот нашёл-таки причину поскорее меня отчислить: тогда у отчима, наконец, появится веский повод отправить меня восвояси. Впрочем, я и сама хорошо играю с огнём...

– Вот, смотрите! – показываю пустые ладони, мысленно пританцовывая джигу-дрыгу. Я, может, и бедна, как церковная мышь, да и родственники мои в большинстве своём напоминают гиен, но в одном в этой жизни мне везёт на все сто: мои друзья – самые лучшие на свете!

– Андрей Степанович, мы пойдём, да? – интересуется Мила, и раздирающий барабанные перепонки школьный звонок вынуждает завуча согласиться.

– Спасибо! – шепчу Камилле и беру её за руку.

– И тебе! – кивает она, и мы снова несёмся по длинному коридору навстречу обманчивой свободе и майскому солнцу.

Камилла Турчина стала для меня глотком свежего воздуха в Жемчужном. Такая же одинокая, немного странная и взбалмошная, она, казалось, ждала, когда я вернусь. Так получилось, что к одиннадцатому классу у Милы совершенно не осталось подруг, зато скопилось немало злопыхателей, таких, как Киреев и его компания. Всеми виной стала необычная внешность Милы: маленький рост вкупе с излишним весом и копной беспорядочно выющихся волос цвета заходящего солнца сделали её похожей на румяного коlobка. Генетическое недоразумение! Иначе как объяснить, что огромное сердце и добрый нрав достались Миле, а смазливая внешность и гнилое нутро – её братцу?

Поначалу родители Милы пытались бороться с лишним весом дочери, изнуряя её диетами и непосильными физическими нагрузками, но в последние годы махнули рукой. Сегодня в семье Турчиных говорят исключительно об Аристархе. Он – гордость рода: звезда светских тусовок, красавчик, завидный жених, за которым будущее фамильного бизнеса. А Камиллы как будто и нет...

«В семье не без урода», – в шутку любит повторять девочка, и что-то мне подсказывает: эта дурацкая фраза засела в её голову не случайно. Хотя, когда тебя стесняются собственные родители, изолируют от публичных мероприятий,

не берут с собой в гости, в свободную минуту не спросят, как дела, а любовь подменяют кредиткой, в сознании подростка ещё и не такая глупость может пустить корни. Звучит забавно, хоть и немного горько, но к своим восемнадцати мы обе остались сиротами при живых маме и папе.

Наверно, поэтому моё появление на пороге 11-го «А» стало для Милы отдушиной, а для меня – спасением от гнетущих будней.

– Таська, поехали сегодня в «Рио», – предлагает Мила, крутясь перед зеркалом возле опустевшего гардероба.

От одного только названия огромного торгового центра сердце уходит в пятки: именно в «Рио» меня привёз когда-то Арик, предварительно доведя до белого каления. Впрочем, с тех пор мы мало пересекались с Турчиным, а со временем глупые обиды на парня и вовсе уступили место более насущным проблемам. И всё же Аристарх по-прежнему вызывает у меня стойкое неприятие и раздражение.

– Я подумываю купить то серебристое платье с вырезом на спине, – продолжает щебетать подруга. – Помнишь?

– Ага, – отвечаю, нанося на губы каплю блеска. – Может, завтра? А то сегодня я уже обещала папе приехать.

– Договорились! – кивает Мила и поправляет золотистые локоны, обрамляющие её миловидное личико. – Как он, кстати? Уже сам ходит?

– Пока нет, – с досадой выдыхаю. Хотя операция и прошла успешно, реабилитация отнимает невероятно много време-

ни и сил. – Но доктор его хвалит. Ещё немного, и...

Говорить об отце всегда трудно: едкие слёзы точно ждут, когда я о нём вспомню. А ещё страшно... Боюсь сглазить, раньше времени поселить в сердце надежду, а потом её потерять.

– Всё получится! – Мила подталкивает меня плечом и улыбается моему отражению. – Не сомневайся, Тась!

– Не буду, – отвечаю подруге, собирая себя по кусочкам. – Я просто очень скучаю по нему.

Нет, не так: я медленно схожу с ума без отца! Замерзаю от одиночества, а по ночам реву от окружающего меня равнодушия. Дежурные, ничего не значащие фразы за завтраком, пустые улыбки, постоянные упрёки, косые взгляды за ужином – я устала ощущать себя бракованной деталью отлаженного механизма.

Моё пребывание в доме Мещерякова напоминает жизнь соловья в золотой клетке: с виду она роскошная и беспечная, а по факту ограничена десятью квадратами возле бассейна и сводом негласных правил. Всё, что мне дозволено – молча наблюдать из своего угла за шикарной жизнью семьи Мещеряковых и, желательно, не мешать. Свободное время я провожу тихо, как мышка, в дальнем крыле дома, чтобы своим присутствием не раздражать отчима, а каждый выезд за пределы Жемчужного я вынуждена неделями согласовывать с мамой. Весёлой такую жизнь точно не назовёшь! Одно хорошо: в двух шагах от моей комнаты расположен запасной вы-

ход для прислуги, который напрямую ведёт к местному озеру. Втайне ото всех я сбегáю туда на закате и до самой ночи гуляю вдоль берега, а потом так же незаметно возвращаюсь.

— А ты уже придумала, что наденешь на выпускной? — Мила прекрасно видит, как налились солёной влагой мои глаза, как тубик с блеском для губ дрожит, зажатый в непослушных пальцах, а потому спешит сменить тему.

— Пока нет. — Отвожу взгляд, дабы Камилла не уличила меня во лжи.

Я знаю, как ей хочется блистать на выпускном и затмить всех своей красотой — да-да, именно красотой, а не теми дурацкими идеалами, навязанными нам дорогим глянцем. Вот только как сказать Камилле, что сама я праздник решила пропустить? И дело не в том, что 11 «А» не успел занять должного места в моём сердце, просто всё это веселье не для меня! Да и денег на платье и причёску нет, а просить у матери я не хочу: хватит того, что она ежедневно напоминает мне, где и за чей счёт я сейчас живу.

Мои мысли прерывает звонок мобильного и всего четыре пресловутые буквы на экране.

— Тася, — встревоженно бормочет мама, — ты ещё в школе?

— Да. — Поправляя лямку рюкзака на плече, отхожу немного в сторону. — Иван Григорьевич где-то задерживается.

Мне несказанно повезло с водителем. Иван Григорьевич — чумовой старичок с необычайно приятным чувством юмо-

ра, но главное – он умеет хранить секреты! Несколько раз ему удавалось в обход указаниям Мещерякова свозить меня до реабилитационного центра, где сейчас проходит лечение отец. Вот и сегодня он обещал помочь...

– Тася, Иван Григорьевич не приедет, – с придыханием произносит мать. Вообще её голос кажется мне странным, чересчур взволнованным, что ли. Но по-настоящему странной звучит её просьба: – Дочка, возьми такси, ладно? И уезжай! К отцу, к Миле – куда угодно! Сходи в кино, погуляй по магазинам – не важно. Развейся, отдохни!

– Что-то случилось? – Необъяснимая тревога волнами расходится по телу. – С Иваном Григорьевичем что-то?

– С ним всё в порядке, – спешит с ответом мать и тяжело дышит в трубку. – Гера из клиники сбежал, дочка, и я не знаю, в каком состоянии его найдёт Вадим. Я позвоню тебе, как всё образуется.

С неким остервенением запикиваю мобильный обратно в рюкзак. Меня раздражает пелена таинственности вокруг Савицкого. В жизни и без выкрутасов этого странного парня хватает проблем. Неужели Гера не понимает, что из-за «тараканов» в его голове достается всем вокруг? Хотя о чём это я? Он же из психушки сбежал!

– Возьмётся с этим Савицким, как с писаной торбой! – ворчу себе под нос, не представляя, как быть.

Одно дело – доехать до отца с Иваном Григорьевичем, и совсем другое – на такси или общественном транспорте. Ре-

абилитационный центр расположен за городом, на живописном берегу реки, в глубине соснового бора, а потому вариант с такси встанет мне в копеечку, а поиск и ожидание нужного автобуса грозят обернуться очередными неприятностями.

– Что на этот раз учудил Гера? – осторожно уточняет Мила скорее из вежливости, чем из любопытства.

– Сбежал.

– Ясно, – поспешно кивает подруга и взволнованно поджимает губы. По всему видно, тема Савицкого её пугает, как и всех в Жемчужном.

– Он что, не впервой сбегает? – предполагаю на всякий случай. Честно говоря, я не понимаю, почему все так напрягаются, когда речь заходит о Гере.

– Этого я не знаю. Просто...

Подруга замолкает на полуслове, смахивая с плиссированной юбки воображаемые пылинки.

– Мила, что с ним не так?

Я ценю дружбу с Камиллой и, наверно, поэтому всегда старалась избегать неудобных тем в общении с ней. Но сейчас я хочу знать правду и уверена, что кроме Милы мне никто её не расскажет. Но подруга молчит...

– Тоже считаешь Савицкого психом? – подталкиваю Камиллу к откровенному разговору, но она не спешит отвечать. – Да брось, Мила! Гера мне никто: ни друг, ни родственник. Говори, что думаешь, не бойся!

– Зимой я выезжала в гимназию в то же время, что и Са-

вицкий в универ... – осторожно начинает Мила. – Мы пересекались на выезде из посёлка буквально на мгновение. Но знаешь, Тася, этих секунд хватало, чтобы кожа покрылась мурашками. Такая ледяная красота, как у него, скорее отталкивает, чем завораживает, а ещё невольно внушает страх. Но с другой стороны, Тася, если бы он был невменяемым, кто бы позволил ему самому садиться за руль?

– Он водит сам?

Мила кивает, а с моих губ слетает небрежный смешок:

– Как много я пропустила! В последний раз, когда я видела Савицкого, он сидел на чердаке, а его велосипед в гараже был обезображен ржавчиной.

– С тех пор Гера немного изменился, – пожимает плечами Мила.

– А что они с Аром не поделили?

Подруга хмурится, не сразу соображая, о чём я говорю.

– Ками, почему твоему брату запрещено к нам приходить, когда Савицкий дома?

– А, ты об этом! – выдыхает Мила. – Они просто на дух друг друга не переносят. Ты же знаешь Ара: он не скупится на выражения, а порой бывает весьма жестоким. А ещё Арик трус.

– Даже так?

– Он Савицкого доведёт до белого каления – и в кусты. Ему будто в кайф смотреть на агонию Геры со стороны... Вот Вадим и запретил Ару приближаться к вашему дому.

Меня так и подмывает сказать, что впору в психушку сдавать Турчина, но я вовремя вспоминаю, что Мила его сестра. Прикусив язык, смотрю на подругу и пытаюсь переварить услышанное.

– Мне иногда кажется... – Камилла переходит на шёпот, хотя в дальнем углу гардероба мы совершенно одни. – Только это между нами, ладно? Я думаю, что и с Никой Арик лишь для того, чтобы держать Савицкого на прицеле. Пони-маешь?

– Это как-то низко, не находишь? – Мне становится обидно за сестру.

– Так высокий у Ара только рост, – с долей за годы накопившейся обиды произносит Мила, а я даже не думаю спорить.

– Ладно, Тася! – Камилла вертит кудряшками, дабы скинуть с себя неподъёмный груз чужой злобы, а потом хватается за руку и тянет к выходу из гимназии. – Всё, что ни делается, к лучшему!

– Что ты задумала? – улыбаюсь, сию секунду позабыв о Савицком.

– Лови момент, Лапина! – закатывает глазки Мила. – Пока Вадим возится с Герой, а твоя мама наводит суету, тебе самый грех не воспользоваться свободой!

– Хороша свобода! – иронизирую в ответ. – Ещё бы знать, что с ней делать...

– Вот я и предлагаю убить двух зайцев одним махом, –

подмигивает Камилла. – Сейчас мчим к твоему папе, а потом – в «Рио». У меня всё равно на сегодня никаких дел, а так проведём день вместе. Соглашайся, Тась! Ну, когда ещё выдастся такой шанс нагуляться от души?

Голосок подружки елеинный, а взгляд и того чище! Как здесь отказаться? Да и права Мила: не сегодня завтра Мещеряков выставит меня за дверь, так что дышать полной грудью нужно здесь и сейчас!

– Ладно, – соглашаюсь и под радостный визг подружки выскакиваю на улицу.

Воодушевлённые и счастливые, мы чуть ли не вприпрыжку несёмся к школьной парковке. Правда, среди десятка чужих авто не находим машины Турчиных.

– Про меня, похоже, сегодня тоже решили забыть, – обиженно надувает губки Мила, а потом лезет в рюкзак за мобильным. – Наверно, пробки...

Не успеваю согласиться, как из-за угла вырывается знакомая тачка ненавистного чёрного цвета и тормозит прямо перед нами.

– Хэллоу, систер! – Нацепив на нос солнечные очки, Арик выглядывает из опустившегося тонированного стекла. Правда, заметив меня рядом с Камиллой, он тут же сникает и недовольно морщится, будто я источаю невыносимую вонь.

– В машину садись, Ками! – Лёгкость его голоса мгновенно сменяется жёсткостью приказных нот.

– Какого лешего ты здесь забыл, братишка?! – Мила явно

не спешит повиноваться. Она нарочито складывает руки на груди и, поджав губы, занимает выжидательную позицию. — Где Олег?

— Занят поисками особо опасного типа, — пренебрежительно бросает Ар и выплёвывает жвачку прямо мне под ноги. Кретин! А я уже начала забывать, как же тошно находиться рядом с Турчиным.

— Савицкий здесь при чём? — недоумевает Мила и косится в мою сторону.

— А при том, что на поиски нашего любимого Герочки стянули всех, кого можно. Эй, малявка! — кивает в мою сторону Турчин. — Знаешь стишок? Тот самый: «Ищут пожарные, ищет полиция. Ищут — не могут найти. Парня красивого, чуточку буйного, лет двадцати пяти». Это про вашего психбольного.

— Буйный здесь только ты один! — срываюсь в адрес Арика и через силу улыбаюсь Миле. — Прости! Ничего не выйдет! Съездим в «Рио» в другой раз.

Не дожидаясь уговоров Милы, тут же порываюсь уйти, но сто́ит развернуться, как в спину бьют обидные слова Ара:

— О, а наша провинциальная замухрышка всё никак по бутикам не нагуляется, да, Тася?

До боли кусаю губы, чтобы не развернуться: я всё равно проиграю в словесной дуэли, так зачем лишать себя шанса уйти с гордо поднятой головой прямо сейчас?

Шаг... Второй... Третий...

Слышу за спиной ворчание Милы и бесконечные подколки её брата:

– Камилка, ты бы хоть научила эту деревенскую выдру нормально одеваться! Что это на ней? Ходит-ходит по бутикам, и всё без толку!

– Ты что, хотела, чтобы я эту малявку на своей тачке прокатил? Ну, нафиг! Это потом на мойку заруливать – всё дезинфицировать!

– Ками, довольно! Поехали, я сказал! Лапина не маленькая, доберётся как-нибудь.

Быть причиной раздора неприятно, и чем дальше я удаляюсь от гнилых слов Турчина, тем легче даётся каждый вдох. Но дыхание срывается, стоит заметить на пороге гимназии Киреева. В разукрашенных брюках и со звериным оскалом на лице он смотрит в мою сторону и одними губами произносит:

– Лапина!

Ребром ладони он ожесточённо проводит поперёк своего горла, давая понять, что проделка с краской будет дорого мне стоить.

– Я передумала, – разворачиваюсь на пятках и несусь к чёрной тачке Арика. – Что ты там мычал, Ар? На химчистку не хочешь?

Прежде чем залезть в салон авто, смачно наступаю в грязную лужу у бордюра.

– Поверь, красавчик, она тебе уже не поможет!

– Ну чего завис, братец? – Не меньше моего взбудораженная приближением Киреева Мила со всей дури хлопает дверцей и подгоняет Турчина: – Гони, Арик! Гони!

Глава 4. Сделка

Крупица глупости, щепотка любопытства...

Чем не рецепт переломанной жизни?

Я обожаю обжигающее чувство лёгкой опасности, когда словно балансируешь на тонком лезвии, когда счёт идёт на секунды, а сердце против твоей воли сбивается с размеренного ритма. И вроде, дело сделано, цель достигнута, но едва ощутимая оторопь никак не отпускает.

Киреев медленно идёт в нашу сторону, нагло задрал нос. В лучах майского солнца ярко-жёлтые разводы на его брюках напоминают хищный окрас разъярённого зверя, да и каштановые пряди слегка выющихся волос на голове парня бешено топорщатся в разные стороны, принимая очертания львиной гривы вожака прайда. Ещё немного, и он разорвёт нас с Милой в клочья.

– Ну же, поехали! – Сжимаю колени, вытягиваясь струной на заднем сиденье. Застрявшая между Аром и Киреевым, я словно между двух огней: ещё неизвестно, кто сожжёт дотла первым. И всё же я выбираю наименьшую из зол: – Турчин, очнись!

Мила взволнованно вертит головой в разные стороны. Она, как и я, не понимает, почему Ар медлит, но куда больше боится стычки с одноклассником. Подруга прерывисто дышит и цепляется за мою ладонь своей, мягкой и слегка

влажной. Это рядом со мной она дерзкая и отважная, а наедине с такими типами, как Киреев, превращается в робкого кролика, не способного за себя постоять. Её ранимое сердце слишком быстро покрывается шрамами от чужой грубости и жестокости.

Вот только Турчин не спешит выручать сестру.

Совершенно без всяких эмоций он смотрит на меня через зеркало заднего вида, изумрудным взглядом проедавая дыры в моей броне, как голодная моль в норковой шапке. Уверена, он всё понимает. Возможно, заметил краску на моих пальцах, а может быть, увидел флакон с аэрозолем, торчащий из школьного рюкзака сестры. Да и наши с Милой испуганные лица – лучшее доказательство вины.

– Какого чёрта, Арик, ты тормозишь?! – верещит Мила, суетливо высматривая Киреева.

А я понимаю, что причина заминки во мне. Я раздражаю Турчина с первой же минуты. Его неприязнь ко мне сквозит изо всех щелей. Да и что говорить, Ар не герой! Он с радостью подставит подножку и подтолкнёт тебя в пропасть. Хватаю рюкзак и, сжав ладонь подруги на прощание, порываюсь выскочить из авто. В конце концов, Киреев ни черта мне не сделает – так, погрозит пальчиком для приличия! Но стоит мне прикоснуться к дверной ручке, как автомобиль резко срывается с места, а салон наполняется монотонным грохотом электронной музыки, такой же бесчувственной и холодной, как и сам Ар.

Мила мгновенно приходит в себя. Устроившись поудобнее, начинает сумбурно смаковать события прошедших минут, сдабривая те соусом из пережитых эмоций и немного нервным смехом, а потом просит брата отвезти нас в «Рио». Пытаюсь возразить: мне нужно к отцу. Но в сумасшедшем винегрете из постоянной болтовни Камиллы и адских звуков, сотрясающих динамики, мой голос растворяется без следа. Правда, и к просьбам сестры Ар остаётся глух.

Уже минут через десять мы сворачиваем на объездную дорогу, ведущую напрямик в Жемчужное. Мила наивно возмущается, тарабанит кулачками по спинке водительского сиденья, от души высказывая брату всё, что о нём думает, однако она не в силах изменить намерение Ара отвезти нас домой.

– Достала орать! – срывается Турчин, стоит шлагбауму на въезде в посёлок опуститься за нашими спинами. – Отец сказал: домой – значит, домой! Успеешь ещё нагуляться!

Мила обиженно поджимает губки, а я отворачиваюсь к окну, чтобы скрыть необузданное волнение: никто не отменял запрета на моё возвращение в Жемчужное. Впрочем, не всё ли равно... Иногда совершенно бесполезно убегать от судьбы.

Пока Ар выруливает по мощёным дорожкам, скрепя сердце набираю сообщение отцу, что сегодня не приеду, а потом пытаюсь сообразить, как объяснить матери своё неожиданное возвращение. Представляю перекошенное лицо отчима,

разочарованное – сестры. И согласна на всё, лишь бы Арик проехал мимо наших ворот. И он проезжает.

– Вадим просил за тобой присмотреть, поэтому у нас переждёшь. – Турчин ловит в зеркале мой удивлённый взгляд и ухмыляется.

Уже в следующее мгновение он тормозит под раскидистым тополем неподалёку от основной парковки и оборачивается к нам с Милой:

– Из дома – ни ногой! Ясно?

– Тебя забыли спросить! – ворчит подруга, продолжая дуться на брата.

Камилла наспех отстёгивает ремень безопасности и шустро выныривает из салона авто на улицу. Хочу сделать то же самое, но, как назло, путаюсь в креплении.

– Я не шучу, Тася! – предостерегающе произносит Турчин.

– Ага, – не оставляю попыток отстегнуться. – Просто боишься Савицкого. Я помню.

– Дура! – шипит Ар. – Да выметайся ты уже из тачки!

– Я бы с превеликим удовольствием. – Дёргаю ремень, как заведенная, но тот ни в какую не поддаётся.

Ар недовольно раздувает ноздри и, наградив меня «тёплым, дружественным» взглядом, нехотя вылезает со своего места. Открыв заднюю дверцу, он с привычным отвращением окидывает взором моё застрявшее и бьющееся в агонии тело и, скривив губы, наклоняется ближе.

– Только и можешь, что создавать всем проблемы! – цедит он сквозь зубы, замирая в неприличной близости от моего лица. Я бы и рада съязвить в ответ, но мысли мгновенно разбегаются, а во рту пересыхает. Едкий запах туалетной воды ударяет в нос, парализуя сознание, а горячее дыхание Турчина языком пламени проходится по коже. Чувство абсолютной беспомощности разливается по венам, вынуждая меня вжаться в спинку кресла.

– Дрожишь? – пользуясь моим безвыходным положением, выдыхает на ухо.

А я, и правда, вся покрываюсь гусиной кожей. Рядом с Аром мне некомфортно, а от его гнетущей энергетики и вообще тошнота поднимается к горлу.

– Трус здесь только один, – бормочу, не желая признавать поражение. – Это ты, Турчин!

Арик хмыкает, немного небрежно, но скорее зло, а потом касается мочки моего уха горячими губами. И как бы ни пыталась я отвернуться, долбаный ремень крепко прижимает к сиденью.

– Наивная овечка, – шепчет Арик, пока я дышу, как паровоз. – Глупая. Доверчивая. Я тебя предупреждал, чтоб убиралась восвояси. Теперь поздно!

– Отстегни меня, Турчин! – пропускаю мимо ушей угрозы придурка. – А лучше вали в психушку вместо Геры, параноик!

Голос сипит от волнения, и Ар это чувствует, всё сильнее

нависая надо мной. Какого рожна он творит?!

– Хочешь увидеть настоящего параноика? – Турчин сжимает зубы на нежной мякоти моего уха. От неожиданной порции острой боли я взвизгиваю и упираюсь ладонями в его мощную грудь, чтобы оттолкнуть эту отвратительную тушку. Но мои тщетные попытки не приносят результата.

– Услышишь ночью музыку – приходи. – Грубым голосом Турчин вышибает из меня остатки самоконтроля. – Я буду тебя ждать, Тася!

– Иди в баню, Турчин! – Что есть мочи щипаю придурка, раз не хватает сил отодвинуть его от себя. Арик едва заметно морщится – то ли от боли, то ли оттого, что его так сильно раздражают мои прикосновения. В любом случае, уже в следующую секунду Турчин отстёгивает ремень и как ни в чём не бывало отходит.

– Ну чего расселась, малявка?! Пошла вон! – орёт он на всю парковку, а потом тихо, так, чтобы слышала только я, добавляет: – Сегодня ночью, Тася! Не забывай!

Слова Турчина беспокойными муравьями заползают под кожу, жалят, унижают, вгоняют в ступор. Наверно, поэтому продолжаю сидеть на месте, вместо того чтобы со всех ног бежать отсюда куда глаза глядят.

Ар насмешливо качает головой, размышляя, выдать ли мне добавку гнусностей сейчас или приберечь их на потом. Уверена, в его белобрысой голове спрятан завод по производству оскорблений. Да только планы Турчина нарушает

нежный голосок Ники:

– Арик, ты уже приехал? А говорил, что задержишься! – Кокетливо перекинув волосы на одно плечо, она модельной походкой плывёт в нашу сторону, а при виде Милы и меня натянуто улыбается. – И вы здесь?

– Отец попросил забрать Камиллу. – Турчин поворачивается ко мне задом и, приобняв свою зазнобу за талию, оставляет на любимой щеке мимолётный поцелуй. – А эта, – продолжает он, небрежно кивнув в мою сторону, – просто следом увязалась.

– Да уж! – поджигает накрашенные губки Ника. – Сколько Тасю жизни ни учи, а как была дремучей провинциалкой, так и осталась.

– Что ты выдумываешь, Арик? – подмигнув мне, вступает Мила: у неё собственные счёты с братом. – Лучше расскажи своей невесте, как полдня спасал Тасю от нашего придурка-одноклассника, а потом шептал ей нежности на ушко.

Пока я ошарашенно открываю рот, подруга переводит взгляд на Нику и продолжает вешать ей лапшу на уши:

– Думаешь, отчего эти двое застряли в машине, а меня выгнали? Поверь мне, Ника: моего братца абсолютно не трогали мольбы Таси оставить её в покое.

Напряжённое лицо сестры моментально покрывается красными пятнами, а идеально очерченные губы начинают подрагивать. Всегда неприятно, когда тебя держат за дуру. Втройне – когда это делает любимый человек.

– Эй, болезная, жить надоело?! – гремит Ар, нервно сжимаемая ладонь на талии Ники. – А ну, быстро забрала слова обратно!

Правда, Мила даже не думает извиняться. Взмахнув своей гривой, она разворачивается на пятках и спешит к дому.

– Тася! Ты идёшь? – кричит на ходу, а я, наконец, отмираю. Судорожно хватаю носом воздух, непослушными пальцами – рюкзак, и выпрыгиваю из авто.

– Не верь ей, любимая! – вертится ужом на сковородке Арик. – У Таси просто ремень застрял, а я помог. Малявка, подтверди!

Понимаю, что должна оправдаться перед Никой, успокоить её. Мы сестры, и этим всё сказано. Но, наверно, я родилась с изъяном, иначе как объяснить улыбку на моих губах и лёгкость в области сердца.

– Тася! – пищит Ника, выискивая в моих глазах правду.

– Это всё наглая ложь! – продолжает писать кипятком Турчин.

А я на секунду ощущаю себя всесильным супергероем. Правда, не знаю, чего жажду больше: насолить сестре или отомстить Ару.

– Так, значит, никакой вечеринки сегодня не будет, Арик? – Бью по обоим фронтам одновременно, а для пущей убедительности округляю глазки. Отец всегда говорил, что медовые искорки в моём взгляде способны на многое. Вот и проверим!

– Ар, вечеринка? Сегодня? – мгновенно потеряв ко мне всякий интерес, недоуменно качает головой Ника и предостерегающе смотрит на парня. – Ты выбрал не лучший день.

Мне кажется, или от её ревности не остаётся и следа? Да и известие о самой вечеринке беспокоит сестру куда больше, чем вероятность моего присутствия на пати.

– Да ладно тебе, Ник! – отмахивается Турчин и запрокидывает лицо к небу. – Весело будет!

– Весело? Ар, тебе мало, что ли? Чего ты добиваешься?

Они, вроде, говорят на родном для меня языке, но чем больше я слушаю их перепалку, тем меньше её понимаю. Одно несказанно печалит: я так и не утёрла нос Ару, да и Ника, кажется, позабыла о моём существовании.

– Совпадение? – недоверчиво шелестит она, острыми ноготками цепляясь за футболку своего бойфренда. – Моей сестре-идиотке рассказывай про совпадение!

– Зая, тише! – Турчин обхватывает лицо Ники ладонями и пытается заглушить поцелуем её праведный гнев.

– Тише?! Отличное слово, Арик! «Тише» – это всё, что от тебя требует отец! – Сестра отчаянно скидывает с себя его руки и начинает ходить кругами. – А ты как будто специально выгадываешь время и играешь с огнём.

– Брось, киса! – В отличие от Ники Арик говорит спокойно, с непоколебимой верой в свою правоту. – Я просто хочу немного развлечься. Да и твоей сестрёнке не помешает обновить круг друзей. Ты же придёшь, малявка?

Он щурится от солнца, устремляя взгляд в мою сторону. Но даже узкой щёлки его озлобленного внимания хватает, чтобы по телу вновь пробежал холодок.

– Тася! – Сестра решительно подбегает ближе и заботливо приглаживает мои спутанные волосы. – Тебе мама что сказала? Вот и иди – гуляй подальше отсюда! К папе съезди, на худой конец! Никаких вечеринок, Тася! Слышишь меня?

Какой-то бред, честное слово! Арик и Ника словно сговорились и выжидающе таращатся на меня: один жаждет моего присутствия, вторая – чтобы на пушечный выстрел не приближалась к дому Турчиных.

– Да идите вы оба! – ворчу себе под нос, раздосадованная, что в очередной раз осталась не у дел.

Едва не споткнувшись на ровном месте, торопливо иду прочь, широко шагая. Перед глазами – туман. Нарочито пропускаю мимо ушей смешки Турчина и причитания Ники и ненароком забываю о Миле, которая ждёт меня у себя дома. Бреду, сама не зная, куда, да это и не важно. С каждым метром ускоряюсь, а, добравшись до поворота, перехожу на бег. Моя душа рвётся прочь из Жемчужного, из этого города, подальше от постоянных склок и оскорблений. Я хочу домой – туда, где всё по-настоящему, где тепло от улыбок и спокойно. Но вместо этого прибегаю к озеру.

Окаймленное молодой порослью ив, оно напоминает красочную иллюстрацию к книге со старыми добрыми сказками. В свете майского солнца озерная вода играет бесконеч-

ными бликами и кажется нереально прозрачной и чистой.

Чуть поодаль от дороги замечаю поселковую пристань, узкий деревянный настил которой простирается почти до середины водоёма. В летние месяцы здесь ждут своего часа лодки и катамараны местных жителей. Сейчас же вход на пирс огорожен тонкой цепью и табличкой с предупреждающей надписью «Вход запрещён». Очередной запрет отзывается внутренним протестом, а потому, осмотревшись по сторонам и удостоверившись, что никого, кроме меня, на берегу нет, перепрыгиваю через хлипкое ограждение.

Раскинув руки, иду навстречу игривому солнцу. Осторожно ступая по шатким доскам, медленно подхожу к самому краю. Подо мной глубина, пугающая своей неизведанной мощью. Мурашки волнами разбегаются по коже: ничего не изменилось – я всё так же не умею плавать. Но в отличие от бассейна, стоя здесь, я не ощущаю опасности. Наоборот, чувство небывалого умиротворения медленно разливается по венам, и мои губы растягиваются в улыбке.

Подставляю нос нежным лучам солнца, наслаждаюсь игрой ветра в моих волосах. Он безжалостно треплет их, развеивая в разные стороны, а я не спешу убирать упавшие на лицо пряди. Вместо этого стараюсь надышаться пьянящим ароматом свободы, забыть о Турчине и Нике, не думать о предстоящих экзаменах, не переживать за отца. Сердце окутывает лёгкий трепет, а улыбка на губах становится всё шире. Я живу мгновением, полностью растворяюсь в моменте,

пусть кратком, но таким счастливым.

– Здесь запрещено гулять! – Густой баритон, немного терпкий и взволнованный, внезапно покалывает спину. – Для кого табличку повесили?

Мне не нужно оборачиваться, чтобы мысленно нарисовать портрет непонятно откуда взявшегося защитника порядка. Уверена, со стороны берега на меня смотрит молодой человек, быть может, немногим старше меня, серьёзный, насупленный, привыкший к тому, что всё в этой жизни должно происходить по ему одному известным правилам. Он видится мне симпатичным – наверно, у него тёмные густые волосы и добрый взгляд. Как, должно быть, красиво блещут в свете золотых лучей солнца его каштановые пряди!

– Пожалуйста, вернись на берег! – кричит незнакомец, подкидывая все новые и новые штрихи к своему портрету в моём воображении.

Молодой человек с таким сильным звучным голосом, верно, и сам высокий и мощный. Мне думается, что у него тонкие губы, а черты лица настолько правильные, словно природа по линейке вымеряла каждый миллиметр, прежде чем отпустить в мир своё творение.

– Пирс требует ремонта, понимаешь? Не испытывай судьбу – сойди на берег! – продолжает горланить вымышленный красавчик. Да я и сама мечтаю развернуться и убедиться, что не ошиблась ни в одной детали. Но внезапно голос незнакомца становится чуть более жёстким и нетерпимым: – Я се-

рьёзно! Ты глухая, что ли?! Тебе нельзя там находиться!

Очередное «нельзя» дорожным катком сминает фантазии, вынуждая идти наперекор собственным страхам. Я прикрываю глаза и делаю ещё один шаг вперёд, так что пальцами ног ощущаю острый край последней дощечки.

– Чокнутая! Что ты творишь?! – надывается парень и, судя по дрожанию пирса, спешит меня спасти.

Каждый шаг незнакомца раскачивает деревянный настил в разные стороны – не сильно, но достаточно для того, чтобы прийти в себя: ещё не хватало свалиться в воду! Я тут же отхожу назад и, резко обернувшись, прошу:

– Стой! Пожалуйста, стой! Не подходи!

Сквозь прилипшие к лицу спутанные волосы, пытаюсь разглядеть молодого человека. Я не ошиблась: он до безумия хорош собой. Мне удалось угадать и цвет его волос, и возраст, и даже рост. Вот только со взглядом я немного промахнулась: парень напротив смотрит на меня затравленным зверем, словно видит перед собой не беззащитную девушку, а монстра, высвобождающего из глубин его памяти самые жуткие страхи.

Между нами метров тридцать или пара сот узких дощечек – приличное расстояние. Но я его не ощущаю...

Огромный мир мгновенно сужается до шаткого пирса. Глупо, но в голову лезет мысль, что упасть в воду было бы куда проще, чем сделать хотя бы шаг в сторону застывшего на месте парня, на лице которого нет ни намёка на улыбку.

Его челюсть напряжена, а на лбу искрящимися капельками проступает пот. Идеальные черты лица отчаянно прячутся под маской ненависти и, наверно, боли.

– Всё нормально! – захожусь в крике, немного нервном и испуганном. – Нормально! Я не упаду!

Каким бы смазливym ни был этот парень, его внешность неимоверно меня пугает. От незнакомца так и веет странным ощущением безысходности, словно всё предрешено. Глупо бежать, прятаться, звать на помощь. Это – как в фильме ужасов: всё начинается невинно, под весёлую музыку, но ты знаешь, что в финале все умрут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.